

Борьба с сексуальным насилием в условиях конфликта: исследование цифровых аспектов

Кристин Бергтора Сандвик и Кьерсти Лоне*

Кристин Бергтора Сандвик (профессор, доктор юридических наук, докторская степень присуждена в 2008 году юридическим факультетом Гарвардского университета) преподает социологию права на юридическом факультете Университета Осло и ведет исследовательскую работу в гуманитарной сфере в Институте исследования проблем мира в Осло (PRIO). Специализируется на расселении беженцев, правовой мобилизации, гуманитарных технологиях, этике, инновациях и подотчетности.

Кьерсти Лоне — научный сотрудник юридического факультета Университета Осло. Специализируется на социологии международного права, международном уголовном правосудии, право-защитной деятельности и транснациональных объединениях.

Аннотация

Инновации в области цифровых технологий открывают возможности для применения новых мер борьбы с сексуальным насилием в условиях

* Исследования, которые легли в основу данной статьи, финансировались в рамках проекта Института исследования проблем мира в Осло (PRIO) «Не навреди: этика инноваций в гуманитарной сфере» и проекта Университета Осло «Уязвимость в условиях роботизации». Оба проекта проводились при финансовой поддержке Норвежского научного совета.

конфликта, однако это означает не только перспективы, но и ловушки. Авторы статьи ставят перед собой цель найти отправную точку для дальнейшего анализа, поднимают проблему тенденции к изъятию данных в обмен на предоставление помощи, защиты и правосудия и заявляют о том, как важно дополнить технологические подходы к борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта стратегиями, основанными на участии пользователей, и инвестициями в развитие цифровой грамотности, которые являются ключевыми аспектами такой борьбы. Статья разделена на три части, в которых исследуется влияние цифровизации на борьбу с сексуальным насилием в условиях конфликта. Сначала в статье раскрывается тема создания на основе цифровых технологий так называемых «цифровых тел», состоящих из изображений, информации, биометрических данных и прочих сведений, хранящихся в цифровом пространстве. Эти цифровые модели представляют тела людей, пострадавших от сексуального насилия, и имеют взаимосвязи с риском, воздействующим на физическое тело человека, который подвергается сексуальному насилию в условиях конфликта. Затем в статье описывается роль цифровых технологий в цикле противодействия, включающем предотвращение сексуального насилия в условиях конфликта, реагирование на него, документирование случаев такого насилия и привлечение преступников к ответственности. Наконец, авторы статьи признают возрастающую важность управления данными в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта и рассматривают вопрос о том, как различные подходы к данным в сферах гуманитарной деятельности, защиты прав человека и международного уголовного права могут сформировать различные способы использования данных о таком насилии. Помимо прочего, различия в подходах могут привести к новым трениям между участниками со всего мира, которые по-разному решают проблему сексуального насилия в условиях конфликта.

Ключевые слова: сексуальное насилие в условиях конфликта, цифровые тела, цифровая грамотность, гуманитарные данные, сексуальное насилие, права человека, международное уголовное правосудие.

⋮⋮⋮⋮⋮⋮

Введение

Исторически сложилось так, что в результате культурной стигматизации жертв сексуального насилия и характерного для международного сообщества долговременного пренебрежения проблемой сексуального насилия в условиях конфликта об этой форме насилия было известно очень мало. Сейчас лица, участвующие в решении этой проблемы, — от специалистов по оказанию помощи на местах до судей международных судов — обладают более чем достаточным объемом сведений о случаях сексуального насилия в условиях конфликта: этой информации стало настолько много, что возникла потребность в инструментах для сортировки, выявления и анализа

данных, на основе которых можно действовать, и возможных направлений действия¹. Благодаря глобальному доступу в интернет, доступности и массовому распространению цифровых устройств появились новые меры реагирования на проблему такого насилия. Цифровые технические инновации, такие как гуманитарные мегабазы данных, или «сверхплатформы»², все чаще используются для массового сбора и регистрации данных. Однако эта тенденция к получению у уязвимых людей информации в обмен на защиту, помощь и правосудие создает новые дилеммы в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта. Кроме того, участникам этой борьбы приходится изыскивать способы эффективного реагирования на распространенные угрозы, обусловленные использованием цифровых технологий.

Несмотря на большой интерес к теме сексуального насилия в условиях конфликта и огромное количество материалов на эту тему³, критических исследований и размышлений о том, как цифровые технологии помогают бороться с этим явлением, очень мало. Авторы настоящей статьи со сдержанным оптимизмом оценивают возможную роль и актуальность цифровых технологий в предотвращении сексуального насилия в условиях конфликта, сокращении его масштабов, преодолении последствий и привлечении преступников к ответственности. Мы не рекомендуем воспринимать цифровые технологии как панацею, но подчеркиваем важность тщательного обдумывания возможностей для совершенствования и перемен к лучшему. Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить аналитическую структуру для оценки роли и актуальности цифровых технологий, определяемых в широком смысле как цифровые устройства и данные, в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта. Наша аналитическая структура состоит из трех основных элементов.

1. Цифровые технологии влияют на небезопасную и нестабильную обстановку конфликта, и такое влияние способно породить и усугубить риск

1 Elisabeth Jean Wood, “Conflict-Related Sexual Violence and the Policy Implications of Recent Research”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, No. 894, 2014; Carlo Koos, “Sexual Violence in Armed Conflicts: Research Progress and Remaining Gaps”, *Third World Quarterly*, Vol. 38, No. 9, 2017; Jelke Boesten and Marsha Henry, “Between Fatigue and Silence: The Challenges of Conducting Research on Sexual Violence in Conflict”, *Social Politics: International Studies in Gender, State, and Society*, Vol. 25, No. 4, 2018; Anette Bringedal Houge, “Sexualized War Violence: Knowledge Construction and Knowledge Gaps”, *Aggression and Violent Behavior*, Vol. 25, 2015.

2 «Сверхплатформы», или «платформы для платформ», — крупнейшие интернет-компании, работающие в нескольких отраслях, такие как Apple, Facebook и Google. См., например: David Porteous and Olga Morawczynski, “The Superplatforms are Coming ... and They Will Transform Financial Inclusion”, *NextBillion*, 21 December 2018, доступно по адресу: <https://nextbillion.net/the-superplatforms-are-coming-and-they-will-transform-financial-inclusion/> (все ссылки на интернет-ресурсы приводятся по состоянию на январь 2021 г.). Мы используем этот термин для таких платформ, как PRIMES, разработанная для Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) (см.: <https://www.unhcr.org/registration-guidance/chapter3/registration-tools/>), и SCOPE, которой пользуется Всемирная продовольственная программа (см.: <https://tinyurl.com/y4axb5br>).

3 См. также тематический выпуск Международного журнала Красного Креста, посвященный сексуальному насилию в условиях вооруженного конфликта: *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, No. 894, 2015, доступно по адресу: <https://international-review.icrc.org/reviews/irrc-no-894-sexual-violence-armed-conflict>.

и вред. Участникам борьбы с этим явлением необходимо лучше понимать, как это происходит и как отражается на противодействии такому виду насилия. С этой целью мы вводим понятие «цифровых тел» как сквозную аналитическую концепцию, что позволит лучше разобраться в том, каким образом технологизация тоже может создавать риск и причинять вред⁴. Цифровые технологии являются неотъемлемой частью современной жизни и переосмысления понятия тела в современных условиях. В то же время в нестабильных и страдающих от конфликтов районах предоставление данных о своем теле все чаще становится непременным условием получения услуг, юридической защиты и правосудия от международного сообщества. В связи с этим аналитическая концепция «цифрового тела» позволяет вести диалог о полномочиях и ответственности между различными секторами. Понимание природы риска для физического тела женщины и ее цифрового тела, исследование взаимосвязи между этими двумя понятиями, а также возможностей для гражданской активности и участия необходимо для осознания роли и актуальности цифровых технологий в решении проблемы сексуального насилия в условиях конфликта. Дело не в том, что цифровое и физическое тело женщины суть одно и то же, а в том, что нарушение безопасности или пренебрежение безопасностью цифрового тела может иметь *столь же серьезные последствия*, что и нарушение безопасности и благополучия тела физического.

2. Мы выявляем и классифицируем тенденции в развитии цифровых технологий и структуру проблем в области сексуального насилия в условиях конфликта, вводя понятие «цикл противодействия», с помощью которого мы оцениваем цифровую трансформацию борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта на этапах предотвращения, реагирования, документирования и привлечения к ответственности. Этот цикл проходит через комплекс транснациональных процессов: от конфликтной ситуации до вмешательства международных институтов и глобальных брокеров данных, от этапа предотвращения до этапа правосудия и привлечения преступника к ответственности, который наступает спустя долгое время после самого акта насилия.
3. Признавая значение методов сбора, хранения, предоставления, агрегирования и использования данных для формирования всех этапов борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта, мы рассуждаем о том, как различные подходы к данным могут формировать различные направления использования данных о таком насилии. В настоящей статье приводятся сравнение и противопоставление подходов, принятых в гуманитарной деятельности, в сфере защиты прав человека и в сфере международного уголовного правосудия, чтобы показать, каким образом могут возникать новые дилеммы в отношении

4 Мы понимаем технологизацию как постепенное наращивание разработки и применения подходов, основанных на технологиях.

управления и обмена данными о сексуальном насилии в условиях конфликта. Рассматривая разные секторы с точки зрения их задач, сроков и представлений о своем мандате в отношении получателей помощи, мы размышляем о том, как цели, подходы и ценности каждого из этих трех секторов могут дополнять друг друга, но при этом создавать новые поводы для трений в условиях цифровизации.

Для целей данной статьи мы в значительной мере опираемся на сформулированную Организацией Объединенных Наций (ООН) концептуальную основу термина «сексуальное насилие в связи с конфликтом», который обозначает «изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к занятию проституцией, принудительную беременность, принудительные аборт, принудительную стерилизацию, браки по принуждению и любые другие сопоставимые по степени тяжести формы сексуального насилия в отношении женщин, мужчин, девочек или мальчиков, имеющие прямую или косвенную связь с конфликтом»⁵. Настоящая статья в целом охватывает все категории жертв, перечисленные в этом определении, однако основу анализа, а также эмпирических и научных материалов, на которые он опирается, составляет преимущественно опыт женщин. Как указано выше, до сих пор цифровым технологиям в контексте сексуального насилия в условиях конфликтов уделялось мало внимания. Поэтому в целях разработки полноценной концептуальной основы для дальнейшего анализа авторы статьи использовали научные и внеиздательские работы, а также сообщения в СМИ о способах применения технологий для решения проблемы сексуального насилия не только в условиях конфликта⁶. Мы признаём, что в связи с этим заявленная тема раскрыта не полностью, но надеемся, что статья поможет другим исследователям устранить значимые пробелы в знаниях.

Статья состоит из трех основных частей. В первой части нашей аналитической структуры вводится понятие цифровых тел. В этом разделе коротко описано, как цифровые технологии преобразуют динамику конфликта, кризиса и несправедливости и при этом создают возможности для перемен. Кроме того, мы определяем положение цифрового тела в потенциально мощной *нравственной экономике*, которая становится результатом цифровизации, и политической экономики, возникающей в ходе борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта⁷. Во второй части аналити-

5 Антониу Гутерриш. Сексуальное насилие, связанное с конфликтом. Доклад Генерального секретаря, док. ООН S/2019/280, 29 марта 2019 г., доступно по адресу: <https://undocs.org/ru/S/2019/280>.

6 С этой целью авторы статьи используют и развивают тезисы из работ: Kristin Bergtora Sandvik, *Technologizing the Fight against Sexual Violence: A Critical Scoping*, PRIO Working Paper, Oslo, 2019, доступно по адресу: <https://gps.prio.org/Publications/Publication/?x=1274>; Kristin Bergtora Sandvik, “Digital Dead Body Management (DDBM): Time to Think it Through”, *Journal of Human Rights Practice*, Vol. 12, No. 2, 2020, доступно по адресу: <https://doi.org/10.1093/jhuman/huaa002>.

7 Обычно понятие нравственной экономики используется для описания норм и привычек, присутствующих рациональному рынку, но в более широком смысле оно также касается того, что составляет законность устройства рынков и экономики. См.: Susanne Karstedt and Stephen Farrall, “The Moral Economy of Everyday Crime: Markets, Consumers and Citizens”, *British Journal of Criminology*, Vol. 46, No. 6, 2006.

ческой структуры мы показываем, как цифровые технологии формируют различные аспекты борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта. Мы вводим понятие «цикл противодействия» и систематизируем инициативы, предполагающие применение цифровых технологий для предотвращения сексуального насилия, преодоления его последствий, расследования подобных случаев и привлечения виновных к уголовной ответственности. В третьей части аналитической структуры мы приводим типологию различных подходов к данным с точки зрения гуманитарной помощи, защиты прав человека и международного уголовного правосудия, для того чтобы лучше понять их природу и последствия различий между ними. В заключение мы еще раз подчеркиваем важность цифровой грамотности и участия разных сторон в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта. Основополагающую роль здесь играет наше определение понятия цифровой грамотности: оно включает в себя не только умение пользоваться устройствами и понимание их основного назначения, но и базовые знания в области законодательства, цифровых видов риска и прав, а также осознание того, что означает наличие цифрового тела, то есть тела, которое легко считывается как данные. Таким образом, цифровая грамотность выходит за рамки технических навыков и включает в себя осознание и восприятие вопросов технологий, юриспруденции, прав и риска.

Переосмысление безопасности: цифровые тела

И в мирное, и в военное время цифровые технологии являются неотъемлемой частью современной жизни и переосмысления понятия тела. С помощью технических средств происходит «интенсификация расширения, абстрагирования и реконструкции»⁸ тела. Первый аспект нашей аналитической структуры связан с тем, как применение технологий создает соответствующие «цифровые тела» — то есть изображения, информацию, биометрические и иные данные, хранящиеся в цифровом пространстве, — которые являются отражением физических тел людей, пострадавших от сексуального насилия, и которыми последние почти не могут распоряжаться или контролировать их. Понимание этого двойного риска — для физического и для цифрового тела — и взаимосвязи между ними необходимо для правильной оценки роли и актуальности цифровых технологий в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта⁹. Мы утверждаем,

8 Chris Shilling, “The Body in Sociology”, цит. по: Claudia Malacrida and Jacqueline Low (eds), *Sociology of the Body*, Oxford: Oxford University Press, 2008; Carey Jewitt, Sara Price and Anna Xambo Sedo, “Conceptualising and Researching the Body in Digital Contexts: Towards New Methodological Conversations across the Arts and Social Sciences”, *Qualitative research*, Vol. 17, No. 1, 2017.

9 См.: К. Б. Сандвик, *Technologizing the Fight against Sexual Violence* (примечание 6 выше). См. также: Kristin Bergtora Sandvik, “Making Wearables in Aid: Digital Bodies, Data and Gifts”, *Journal of Humanitarian Affairs*, Vol. 1, No. 3, 2019; Kristin Bergtora Sandvik, “Wearables for Something Good: Aid, Dataveillance and the Production of Children’s Digital Bodies”, *Information, Communication & Society*, Vol. 23, No. 14, 2020.

что цифровое тело также должно быть отдельной отправной точкой при рассмотрении вопросов безопасности.

На ранних этапах культурные подходы к исследованию киборгов состояли в изучении принципов функционирования «цифровых тел» в дискурсе цифровой культуры в форме аватаров и изображений, представляющих и обозначающих людей на экране¹⁰. В популярной культуре 1980–1990-х годов такие цифровые тела превратились в штампы, но в результате научно-технического прогресса они все чаще стали присутствовать в повседневной жизни. Хаггерти и Эриксон описывают принципы «сбора разрозненной информации для ведения слежки», в ходе которого тело человека отделяется от его территориальной принадлежности и разделяется на ряд потоков, а они, в свою очередь, соединяются в различных местах в виде дискретных и виртуальных «цифровых дублеров» и могут быть тщательно изучены и выбраны в качестве объекта вмешательства¹¹. Таким образом, перевод человеческой личности в цифровой формат не только позволяет извлечь больше информации, но и создает новое представление о личности. Само тело становится источником информации — закодированное тело способно «говорить». Как показывает научный анализ управления миграцией, это может означать, что «способный говорить индивид, которому принадлежит тело, на самом деле воспринимается как ненужный» и, что еще важнее, может показаться недостаточным и даже ненадежным объектом идентификации, поскольку закодированное тело представляется более «правдивым»¹².

В значительной части научной литературы, посвященной *гендерному* измерению цифрового тела, за отправную точку принимается социальная природа тела, а авторы спорят о вопросах пола/гендера/природы/культуры и работы тела, необходимой для создания взаимосвязей между физическим и виртуальными телами¹³. Как и в случае с общим феминистским дискурсом о неприятии эссенциализма¹⁴, стороны никак не могут прийти к единому мнению о том, что такое тело. Однако с развитием технологизации необходимо обратить внимание на то, что цифровые технологии превратились в инструмент, позволяющий устанавливать истину в вопросах, касающихся тела¹⁵. Применительно к сексуальному насилию в условиях

10 Donna Haraway, "Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s", *Socialist Review*, No. 80, 1985. Киборг — человек, чье физиологическое функционирование осуществляется с помощью механического или электронного устройства или зависит от такового; см.: www.dictionary.com/browse/cyborg.

11 Kevin D. Haggerty and Richard V. Ericson, "The Surveillant Assemblage", *British Journal of Sociology*, Vol. 51, No. 4, 2000.

12 Katja Franko Aas, "'The Body Does not Lie': Identity, Risk and Trust in Technoculture", *Crime, Media, Culture*, Vol. 2, No. 2, 2006.

13 Kate O'Riordan, "Revisiting Digital Technologies: Envisioning Biodigital Bodies", *Communications*, Vol. 36, No. 3, 2011.

14 Candace West and Don H. Zimmerman, "Doing Gender", *Gender & Society*, Vol. 1, No. 2, 1987.

15 Theresa M. Senft, "Introduction: Performing the Digital Body — a Ghost Story", *Women & Performance: A Journal of Feminist Theory*, Vol. 9, No. 1, 1996, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/y3nmjhmq>; Breanne Fahs and Michelle Gohr, "Superpatriarchy Meets Cyberfeminism: Facebook, Online Gaming, and the New Social Genocide", *MP: An Online Feminist Journal*, Vol. 3, No. 6, 2010.

конфликта установление истины связано с тем, что произошло, когда, с кем, из-за кого и как. Цифровые технологии предлагают новые способы мышления и обмена информацией по поводу гендера, гендерных ролей и гендерно обусловленного насилия; при этом они создают риск появления новых моделей злоупотреблений и лишения людей прав и возможностей, что влечет за собой последствия, затрагивающие проблему сексуального насилия в реальной жизни¹⁶.

Важно повторить, что применительно к сексуальному насилию в условиях конфликта цифровое тело не является чисто метафизической концепцией. В ситуации конфликта и нестабильности широкое распространение получила практика истребования данных у малообеспеченных, забытых сообществ, ставших объектами структурной дискриминации, в качестве неперемного условия предоставления услуг, правовой защиты и доступа к правосудию в форме привлечения виновных к юридической ответственности, установления истины и компенсации¹⁷. При том что технологические компании и государства активно собирают данные о потребителях/гражданах¹⁸, внедемократическая структура управления международным сообществом и уязвимость отдельных лиц и сообществ в условиях кризиса умножают власть над такими сообществами и усугубляют существующую разницу в соотношении сил между организациями (и их партнерами из частного сектора) с одной стороны и сообществами, оказавшимися в беде, — с другой. Такая форма управления все чаще приводит к вымоганию данных в обмен на предоставление помощи, защиты и доступа к правосудию¹⁹. Далее мы рассматриваем характер риска, которому цифровая трансформация подвергает физическое и цифровое тело женщины, а также потенциал гражданской активности и участия как способ инициировать анализ роли и актуальности цифровых технологий в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта.

Цифровая трансформация, виды вреда, решения, вера в технологию и перемены

Для тех, кто стремится устранить вред, нанесенный в условиях конфликта, наличие и использование мобильных телефонов, социальных сетей, спутников, беспилотных летательных аппаратов, электронных финансовых рас-

16 См.: Ian Sample, “Internet ‘Is not Working for Women and Girls’, Says Berners-Lee”, *The Guardian*, 12 March 2020, доступно по адресу: www.theguardian.com/global/2020/mar/12/internet-not-working-women-girls-tim-berners-lee.

17 Kristin Bergtora Sandvik, Katja Lindskov Jacobsen and Sean Martin McDonald, “Do No Harm: A Taxonomy of the Challenges of Humanitarian Experimentation”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 99, No. 904, 2017; Mirca Madianou, “Technocolonialism: Digital Innovation and Data Practices in the Humanitarian Response to Refugee Crises”, *Social Media + Society*, Vol. 5, No. 3, 2019.

18 Электронная слежка — систематическое наблюдение за людьми или группами людей с помощью систем персональных данных, чтобы регулировать их поведение или управлять им. Sara Degli Esposti, “When Big Data Meets Dataveillance: The Hidden Side of Analytics”, *Surveillance & Society*, Vol. 12, No. 2, 2014, доступно по адресу: <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.5113>.

19 К. В. Сандвик, “Wearables for Something Good” (примечание 9 выше).

четов и биометрических технологий равноценны перевороту в том, как, кем и откуда выявляются, документируются, осмысляются и облегчаются страдания людей²⁰. В то же время возможности, которые открываются за счет научно-технического развития, усугубляют гендерно обусловленные виды риска²¹ и вреда и создают новые²². Высокое качество и доступность готовых коммерческих устройств позволяют вести слежку с близкого расстояния, а также генерировать ложную информацию и сфабрикованные изображения, то есть фальшивые цифровые тела. Например, в рамках масштабных преследований и сексуальных домогательств в интернете, направленных на индийских женщин-политиков, распространялись подложные порнографические видеоролики якобы с участием Чандрани Мурму, самой молодой в Индии женщины-депутата²³.

Кроме того, цифровые технологии меняют само переживание насилия. Повсеместный доступ в интернет расширяет круг возможных жертв и нарушает неприкосновенность их частной жизни за счет повышения доступности данных, появления инструментов конфиденциального обмена информацией, сохранения изображений с мест нападения и создания возможностей для анонимного преследования. В последние 10–15 лет все чаще приходится признавать, что «те виды насилия в отношении женщин, которые связаны с использованием технологий, причиняют психологический и эмоциональный ущерб, усиливают предрассудки, наносят урон репутации, влекут за собой экономические потери и создают препятствия для участия в общественной жизни»²⁴. Тем не менее о взаимосвязи цифровых

20 См.: K. B. Sandvik, “Making Wearables in Aid” (примечание 9 выше); Kristin Bergtora Sandvik, Maria Gabrielsen Jumbert, John Karlsrud and Mareile Kaufmann, “Humanitarian Technology: A Critical Research Agenda”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 96, No. 893, 2014; K. B. Sandvik, K. L. Jacobsen and S. M. McDonald, (примечание 17 выше). См. также специальный выпуск *International Journal of Transitional Justice* on “Technology and Transitional Justice”, Vol. 13, No. 1, 2019.

21 Исследование гендерных аспектов риска, то есть того, как риск влияет на жизнь разных людей в связи с их гендерной принадлежностью, см.: Kelly Hannah-Moffat and Pat O’Malley (eds), *Gendered risks*, Routledge-Cavendish, London and New York, 2007.

22 Мы также отмечаем риск того, что цифровые технологии могут воспроизводить перекосы и дискриминацию, которые присутствуют в обществе и в массивах данных. Например, если принять в качестве рабочего допущения, что сексуальное насилие в условиях конфликта затрагивает только женщин и девочек, то проблемы мужчин, мальчиков, а также представительниц сексуальных и гендерных меньшинств останутся незамеченными. Анализ двух примеров алгоритмического исключения мужчин и мальчиков — в оценках уязвимости, выполненных УВКБ, и в атаках с использованием беспилотных летательных аппаратов — см.: Kristin Bergtora Sandvik, “Technology, Dead Male Bodies, and Feminist Recognition: Gendering ICT Harm Theory”, *Australian Feminist Law Journal*, Vol. 44, No. 1, 2018.

23 См.: Eliza Mackintosh and Swati Gupta, “Troll Armies, ‘Deepfake’ Porn Videos and Violent Threats: How Twitter Became So Toxic for India’s Women Politicians”, *CNN*, доступно по адресу: <https://edition.cnn.com/2020/01/22/india/india-women-politicians-trolling-amnesty-asequals-intl/index.html>.

24 Katerina Fialova and Flavia Fascendini, *Voices from Digital Spaces: Technology-Related Violence against Women*, Association for Progressive Communications, 2011; Archana Barua and Ananya Barua, “Gendering the Digital Body: Women and Computers”, *AI & Society*, Vol. 27, No. 4, 2012; Rhonda Shaw, “Our Bodies, Ourselves’, Technology, and Questions of Ethics: Cyberfeminism and the Lived Body”, *Australian Feminist Studies*, Vol. 18, No. 40, 2003.

технологий и сексуального насилия в условиях конфликта мало говорится, а предпринимаемые в этом направлении действия весьма ограничены. Результатом становится недостаточно четкое понимание того, как меняются в связи с этим риск и вред, особенно на международном уровне²⁵. Мы ввели понятие цифровых тел, чтобы обратить внимание и на многочисленные новые формы сексуального насилия в условиях конфликта, и на необходимость принять меры, чтобы защитить это «двойное» тело — физическое и цифровое.

Цифровые технологии также в значительной мере создают потенциал для снижения интенсивности конфликтов и других ситуаций насилия и их разрешения. В технологическом секторе разрабатываются инструменты для жертв и тех, кто работает с ними или представляет их интересы. Цифровые устройства и платформы могут создавать терапевтическое пространство, в котором жертвы могут получить помощь, высказать свое мнение, поделиться своим опытом, добиться признания причиненного им вреда и нанесенной им травмы, что открывает возможности для перемен в обществе²⁶. В то же время мы подчеркиваем, как важно при планировании мер вмешательства уделить внимание цифровой грамотности и цифровому телу.

Ввиду нехватки аналитических материалов, посвященных применению цифровых технологий в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта, мы коротко отмечаем появление значительного числа инициатив, которые основаны на технологических решениях, разработанных для борьбы с сексуальным насилием в обычных условиях: к ним относятся цифровые платформы и решения на основе технологии блокчейн, призванные повышать осведомленность, пропагандировать необходимость перемен и создавать возможности для обеспечения защиты, гласности и правосудия с помощью краудсорсинга. Подобные инициативы вдохновляются кампанией #MeToo, переплетенной с феминистским сознанием — пониманием неравного положения женщин в обществе и твердым намерением устранить такое неравенство, — и характерной для Кремниевой долины верой в то, что любую проблему можно решить с помощью технологий, когда «проблема признается проблемой только по одному критерию — ее «решаемости» с помощью изящного и точного технологического хода»²⁷. К примеру, мы отметили появление сложных юридических технологий в области борьбы с сексуальным насилием, таких как Callisto — система сопоставления, основанная на технологии блокчейн, позволяющая жертвам рассказать

25 Однако см.: Дубравка Шимонович. Доклад Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях относительно сетевого насилия в отношении женщин и девочек в ракурсе прав человека, док. ООН A/HRC/38/47, 18 июня 2018 г., доступно по адресу: <https://undocs.org/ru/A/HRC/38/47>.

26 См., например: “Sexual Assault and Technology Misuse”, VAWnet, доступно по адресу: <https://vawnet.org/events/sexual-assault-and-technology-misuse>.

27 Evgeny Morozov, “The Perils of Perfection”, *New York Times*, 2 March 2013, доступно по адресу: www.nytimes.com/2013/03/03/opinion/sunday/the-perils-of-perfection.html; см. также: Evgeny Morozov, *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*, PublicAffairs, New York, 2013.

о случившемся и объединяющая жертв одного преступника в группу для безопасного выявления рецидивистов²⁸, — и LegalFling — платформа для загрузки согласия на ведение половой жизни²⁹.

С точки зрения проблемы сексуального насилия в условиях конфликта может показаться, что такие подходы выдергивают вопрос сексуального насилия из его системного контекста. Предполагается, что участники процесса имеют доступ к цифровым устройствам, выступают от собственного имени и в целом обладают высоким уровнем цифровой грамотности — и что и проблема, и решение «создаются» в Северном полушарии. Однако мы считаем, что они также являют собой пример серьезной попытки переосмыслить уравнивание гендерно обусловленного и сексуального насилия, обеспечить гласность, сформировать феминистское сознание и по-новому активизировать информационно-пропагандистскую деятельность³⁰. В этом качестве указанные инновации становятся отправной, а не конечной точкой в дискуссии о применении цифровых технологий в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта.

Нравственная экономика и значение формулировки проблемы

Кроме того, необходимо рассматривать формулировку проблемы с учетом пересечения двух современных тенденций. В секторах предоставления гуманитарной помощи, защиты прав человека и международного уголовного правосудия набирает силу использование цифровых технологий, позволяющее повысить эффективность оказания услуг, установления истины, привлечения виновных к ответственности и отправления правосудия и сделать их менее затратными³¹. Эта вера в могущество технологий подпитывается множеством публикаций, провозглашающих «ИКТ ради общего блага» и содержащих оптимистичные заявления о способности технологий решить политические и социальные проблемы³². Параллельно с этим сформировалась политэкономия сексуального насилия, в которой риск сексуального насилия в условиях конфликта пристально рассматривается с нравственной, политической, юридической и финансовой точек зрения, отодвигая на второй план вопросы представительства, участия и признания постоянного насилия над женщинами в условиях конфликта — в том

28 См. веб-сайт Callisto по адресу: www.projectcallisto.org.

29 См. веб-сайт LegalFling по адресу: <https://legalfling.io/>.

30 См.: Doreen Raheena Sulleyman, “Sexual Assault in Ghana: How Technology Can Help Build Visibility”, *GenderIT.org*, 6 February 2019, доступно по адресу: www.genderit.org/feminist-talk/sexual-assault-ghana-how-technology-can-help-build-visibility.

31 Kristin B. Sandvik and Kjersti Lohne, “The Rise of the Humanitarian Drone: Giving Content to an Emerging Concept”, *Millennium*, Vol. 43, No. 1, 2014.

32 Patrick Meier, “New Information Technologies and Their Impact on the Humanitarian Sector”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 93, No. 884, 2011. Эти материалы рассматриваются в статье: Kristin Bergtora Sandvik, “Now Is the Time to Deliver: Looking for Humanitarian Innovation’s Theory of Change”, *Journal of International Humanitarian Action*, Vol. 2, No. 1, 2017, p. 8.

числе сексуального насилия, но не только³³. Международные, государственные и негосударственные организации разработали множество разнообразных стратегий и инструментов для предотвращения сексуального насилия в условиях конфликта, однако существует опасение, что из-за преобладающего сейчас акцента на сексуальном насилии другие проблемы, усугубляющие нестабильное положение женщин, могут остаться незамеченными³⁴.

Не умаляя важности внимания, которое (наконец) привлекла к себе проблема сексуального насилия в условиях конфликта, отметим, что на фоне сближения интересов активистов, ученых и политиков — в отношении как цифровых технологий, так и проблемы сексуального насилия в условиях конфликта — необходимо остановиться и подумать. Прежде всего следует задать себе трудные вопросы о потенциале построения мощной нравственной экономики, основанной на технологизированной борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта: кто формулирует проблемы и решения в этой сфере и в чем состоят прямые и косвенные последствия таких формулировок? Кроме того, важно понять, кому выгодна убежденность в том, что цифровые технологии способны помочь в этой борьбе, и почему. Как это отражается на нашем представлении об уязвимости — и пользе — цифровых тел в решении проблемы сексуального насилия в условиях конфликта? Для того чтобы оценить спектр возможностей и задать общую систему координат, в следующем разделе мы описываем цикл противодействия сексуальному насилию в условиях конфликта, основанный на цифровых технологиях.

Цифровые технологии и сексуальное насилие в условиях конфликта: цикл противодействия

Во второй части нашей аналитической структуры используется аналитический подход к выявлению и классификации тенденций в сфере цифровых технологий и формулирования проблем в области сексуального насилия в условиях конфликта. Мы описываем цикл противодействия на основе цифровых технологий, в котором распространение и получение устройств сочетаются со стратегиями масштабного извлечения информации из данных и эффективного управления данными. Этот цикл вписан в транснациональный континуум и охватывает все виды ситуаций и условий: от конфликтной обстановки до международных институтов и глобальных брокеров данных и от этапа предотвращения до принятия мер, нацеленных на отправку правосудия и привлечение виновных к ответственности спустя долгое время после акта насилия.

33 Paul Kirby and Laura J. Shepherd, “The Futures Past of the Women, Peace and Security Agenda”, *International Affairs*, Vol. 92, No. 2, 2016. См. также: Maria Eriksson Baaz and Maria Stern, *Sexual Violence as a Weapon of War? Perceptions, Prescriptions, Problems in the Congo and Beyond*, Zed Books, London and New York, 2013.

34 См. также: Anette Bringedal Houge and Kjersti Lohne, “End Impunity! Reducing Conflict-Related Sexual Violence to a Problem of Law”, *Law & Society Review*, Vol. 51, No. 4, 2017.

Предотвращение

По итогам анализа проблемы сексуального насилия в условиях конфликта, который проводился в течение двух последних десятилетий, можно сделать важный вывод: сексуальное насилие не всегда бывает случайным, незапланированным и непредвиденным; ему часто предшествуют распространение слухов, риторика ненависти, внезапные или беспорядочные перемещения войск, разделение мужчин и женщин на контрольно-пропускных пунктах и так далее³⁵. Поэтому ключевую роль в предотвращении сексуального насилия играет раннее оповещение, и цифровые технологии могут стать неотъемлемым элементом подобных мер реагирования. В частности, в условиях широкого доступа к интернету, мобильным телефонам и социальным сетям значительным потенциалом обладают методы прогнозирования на основе данных. К ним относятся прогнозы на основе анализа массивов больших данных³⁶, определение веб-сайтов, провоцирующих сексуальное насилие и домогательства³⁷, а также использование средств автоматического обнаружения на основе машинного обучения и обработки естественного языка в целях выявления в социальных сетях закономерностей, связанных с риторикой ненависти и слухами, которые направлены на расчеловечивание определенных групп или лиц и привлечение внимания к их половой принадлежности. Спутниковая съемка и изображения, полученные с помощью беспилотных летательных аппаратов, также дают возможность отследить физические перемещения и действия и определить признаки повышенного риска сексуального насилия³⁸.

В то же время инициативы, направленные на раннее предупреждение с помощью технологий, вызывают ряд непростых вопросов по поводу их практичности, актуальности и сопутствующего риска. На уровне технологий всегда будут возникать проблемы, связанные с необъективностью алгоритмов, с доступом к местному трафику данных, а также со знанием местных условий и с необходимостью выполнять перевод больших объемов информации. Воздушное наблюдение имеет смысл только в том случае, если оно будет оперативным и очень качественным, и только при наличии достаточных мощностей для анализа изображений. Спутниковая съемка сопряжена с высокими расходами, а беспилотные летательные аппараты требуют инфраструктуры на местах. Кроме того, слежка не всегда открывает возможности для прогнозирования: насилие может уже совершаться. Слежка

35 E. J. Wood (примечание 1 выше). См. также: *Антониу Гутерриш*. Доклад Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии, связанном с конфликтом, 23 марта 2018 г., доступно по адресу: <https://undocs.org/ru/S/2018/250>.

36 Dara Kay Cohen and Ragnhild Nordås, "Do States Delegate Shameful Violence to Militias? Patterns of Sexual Violence in Recent Armed Conflicts", *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 59, No. 5, 2015.

37 Chelsea Young, "HarassMap: Using Crowdsourced Data to Map Sexual Harassment in Egypt", *Technology Innovation Management Review*, Vol. 4, No. 3, 2014.

38 Joshua Lyons, "Documenting Violations of International Humanitarian Law from Space: A Critical Review of Geospatial Analysis of Satellite Imagery during Armed Conflicts in Gaza (2009), Georgia (2008), and Sri Lanka (2009)", *International Review of the Red Cross*, Vol. 97, No. 866, 2012.

также не предусматривает никаких активных действий: знать о проявлениях жестокости и принимать соответствующие меры — это разные вещи, и между дистанционным наблюдением и предоставлением защиты на месте не обязательно существует причинно-следственная связь. Точно так же нельзя с уверенностью говорить о наличии отношений причины и следствия между ранним оповещением и самозащитой. Например, широко распространена стратегия раздачи бесплатных телефонных аппаратов женщинам, которые находятся в группе риска. Однако телефоны не только позволяют установить местонахождение их владелиц — их можно потерять или отобрать, они могут не работать; также могут сложиться условия, при которых женщин (автоматически) будут вынуждать «искать поводы для заявлений», чтобы продемонстрировать эффективность этого метода. Представление о том, будто данным изначально присущ защитный эффект, основано на убежденности в том, что наращивание объема уникальных данных об обширных географических пространствах и/или труднодоступных районах, которые нельзя было бы получить иным образом, обеспечивает раннее оповещение сообществ, оказавшихся в зоне риска, и позволяет им принимать более оперативные и оптимальные решения, которые могут спасти чью-то жизнь³⁹.

Эффективность такого вида системы раннего оповещения — будь то на уровне внешних субъектов или сообщества — будет также зависеть от степени доверия к технологии и к самим сообщениям. В последние два десятилетия цифровые технологии использовались для повышения осведомленности, развития осознанности, обучения и наращивания потенциала. На уровне низовых организаций и сообществ они применяются для документирования и распространения информации о причиненном вреде и об угрозах, для создания цифровых сетей поддержки, для раннего оповещения и для получения поддержки от влиятельных властных структур⁴⁰. Но в этом отношении цифровые технологии занимают двойственное положение. С одной стороны, активисты получают с помощью цифровых технологий неоспоримые факты, свидетельства или данные о событиях в привычном и приемлемом для органов власти виде. Даже если физическое тело не может делать авторитетных заявлений — например, учитывая, что к рассказам беженцев часто относятся с недоверием⁴¹, — цифровые устройства воспринимаются как источники достоверной информации.

С другой стороны, в последние годы борьба с вводящей в заблуждение информацией (ложными сведениями, распространяемыми без умысла

39 Kristin Bergtora Sandvik and Nathaniel Raymond, “Beyond the Protective Effect: Towards a Theory of Harm for Information Communication Technologies in Mass Atrocity Response”, *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, Vol. 11, No. 1, 2017.

40 Molly K. Land and Jay D. Aronson (eds), *New Technologies for Human Rights Law and Practice*, Cambridge University Press, Cambridge, 2018.

41 Kristin Bergtora Sandvik, “The Physicality of Legal Consciousness: Suffering and the Production of Credibility in Refugee Resettlement”, цит. по: Richard D. Brown and Richard Ashby Wilson (eds), *Humanitarianism and Suffering: The Mobilization of Empathy*, Cambridge University Press, Cambridge, 2008.

причинить вред), дезинформацией (ложными сведениями, распространяемыми с целью причинить вред) и некорректно используемой информацией («правдивыми» сведениями, которые применяются для нанесения вреда) становится все сложнее⁴². Раньше цель состояла в том, чтобы задействовать возможности социальных сетей на благое дело, но теперь они тоже воспринимаются как источник вреда⁴³. Рост числа сфабрикованных изображений/видеороликов и генеративно-состязательных сетей⁴⁴ создает особые проблемы для организации раннего оповещения. Например, слухи об изнасилованиях и убийствах детей обычно вызывают месть. Графические иллюстрации подобных преступлений могут иметь страшные последствия, независимо от того, можно ли проверить их достоверность. Фальшивые подписи под изображениями, создающими поддельные цифровые тела — например, с помощью приложения, которое генерирует подложные изображения обнаженных женщин⁴⁵, — приводят к повышению уязвимости.

Все эти факторы совмещаются с проблемами более общего характера, связанными с кибербезопасностью и применением слежки, аварийного отключения и наступательного информационного оружия со стороны государств и негосударственных вооруженных формирований. В связи с этим нам безотлагательно необходимы подходы, основанные на раннем оповещении, с помощью которых можно будет выявлять риторику ненависти и слухи, получать подтверждения их несправедливости и оперативно распространять опровержения с учетом культурных особенностей, с целью снижения риска насилия⁴⁶. В то же время представляется очевидным, что будущее раннего оповещения зависит от подходов, основанных на участии, например в форме обучения и наращивания потенциала, призванных повысить компетентность пользователей. Что важнее всего — более пристальное внимание к цифровой грамотности при организации раннего оповещения позволит сообществам оценить масштаб цифровых манипуляций, провести оценку тех видов сексуального насилия, которые опираются на цифровые устройства, и типа наносимого им гендерно обусловленного вреда, а также реалистично измерить риск.

42 Council of Europe, *Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making*, 2017, доступно по адресу: www.coe.int/en/web/freedom-expression/information-disorder.

43 Sam Gregory, “Cameras Everywhere Revisited: How Digital Technologies and Social Media Aid and Inhibit Human Rights Documentation and Advocacy”, *Journal of Human Rights Practice*, Vol. 11, No. 2, 2019.

44 См.: Joseph Rocca, “Understanding Generative Adversarial Networks”, *Towards Data Science*, 7 January 2019, доступно по адресу: <https://towardsdatascience.com/understanding-generative-adversarial-networks-gans-cd6e4651a29>.

45 См.: James Vincent, “New AI Deepfake App Creates Nude Images of Women in Seconds”, *The Verge*, 27 June 2019, доступно по адресу: www.theverge.com/2019/6/27/18760896/deepfake-nude-ai-app-womendeepnude-non-consensual-pornography.

46 По поводу компромиссов между свободой слова и безопасностью, а также по поводу рисков, сопутствующих ограничению свободы слова, см.: Дэвид Кей. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, док. ООН A/74/486, 9 октября 2019 г., доступно по адресу: <https://undocs.org/ru/A/74/486>.

Реагирование

Существует множество примеров того, как цифровые технологии помогают активистам обеспечить самозащиту и защиту сообществ. Например, с помощью краудсорсинга можно задокументировать местоположение и описание нападений⁴⁷, а благодаря специальным приложениям — предоставить информацию о времени и географических координатах произведения задержаний родственникам, другим активистам, юристам и владельцам социальных сетей⁴⁸. Кроме того, в тех случаях, когда лица, находящиеся в группе риска, и жертвы сексуального насилия сталкиваются со стигматизацией и общей нестабильностью, такие технологии открывают им доступ к услугам и помогают специалистам на местах обеспечить более высокий уровень внутренней координации и слаженности, а также избежать дублирования услуг и опрашивания жертв. Цифровые технологии могут использоваться в качестве инструментов для скрининга с учетом гендерных аспектов и в качестве учебных платформ для специалистов на местах. Сейчас разрабатываются цифровые инструменты скрининга, а также многочисленные инструменты, позволяющие ориентироваться в услугах и получать безопасный доступ к информации, — так называемые цифровые «безопасные пространства»⁴⁹. И несмотря на то, что регистрировать данные в условиях конфликта и других нестабильных обстоятельствах непросто, при условии сохранения целостности базы данных риск утраты или уничтожения оцифрованных историй болезни ниже.

В идеале цифровые технологии могут использоваться для более качественного обеспечения физической безопасности пациентов и конфиденциальности их данных. Для того чтобы терапевтические меры возымели действие, необходим доступ к информации о характере и ходе определенных видов лечения, и цифровые технологии способны дать такие сведения. В условиях нехватки ресурсов наблюдается острый дефицит специалистов в области психического здоровья; в таких случаях оказание помощи через интернет, текстовые сообщения, мобильные телефоны и смартфоны может повысить эффективность самостоятельного восстановления жертв насилия, получивших психологическую травму, расширить географический охват медицинскими услугами и содействовать вовлечению специалистов более низкой категории и предоставлению психологической поддержки со стороны других пострадавших⁵⁰.

47 См.: Anastasia Powell and Tully O'Neill, "Cyber Justice: How Technology is Supporting Victim-Survivors of Rape", *The Conversation*, 5 April 2016, доступно по адресу: <https://theconversation.com/cyber-justice-how-technology-is-supporting-victim-survivors-of-rape-56022>.

48 Sheila Peuchaud, "Social Media Activism and Egyptians' Use of Social Media to Combat Sexual Violence: An HiAP Case Study", *Health Promotion International*, Vol. 29, No. 1, 2014.

49 Andrea L. Wirtz et al., "Development of a Screening Tool to Identify Female Survivors of Gender-Based Violence in a Humanitarian Setting: Qualitative Evidence from Research among Refugees in Ethiopia", *Conflict and Health*, Vol. 7, No. 1, 2013, доступно по адресу: www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3695841/.

50 Josef Ruzek and Carolin M. Yeager, "Internet and Mobile Technologies: Addressing the Mental Health of Trauma Survivors in Less Resourced Communities", *Global Mental Health*, Vol. 4, 2017; A. L. Wirtz et al. (примечание 49 выше).

Такие оценки вполне реалистичны, однако могут возникнуть проблемы с акцентом на устойчивость, самопомощь и принятие на себя ответственности в качестве обоснования инициатив, связанных с применением цифровых технологий в сфере здравоохранения в условиях нестабильности, поскольку, как и в случае с предотвращением и ранним оповещением, их эффективность зависит от наличия цифровой грамотности, доверия, доступа и функциональности, а также от успешного снижения цифрового риска. В условиях конфликта возможность обеспечения безопасного пространства представляется сомнительной: существует высокий риск обнаружения физического местоположения человека и раскрытия его персональных данных. С другой стороны, базы данных сами по себе являются привлекательными мишенями для кибератак. Конфиденциальный характер медицинских данных означает, что их утечка в результате халатности, неумышленного недосмотра или взлома может иметь серьезные последствия не только для цифрового тела пациента, но и для его физической безопасности. Кроме того, перспектива предоставления услуг пользователям цифровых технологий имеет смысл только в том случае, если эти пользователи могут получить доступ к самим услугам и нуждаются в них.

Документирование

В прошлом жертвы изнасилования подвергались культурной стигматизации, а международное сообщество долго не уделяло внимания проблеме сексуального насилия в условиях конфликта, поэтому этот вид насилия был очень плохо изучен. Но сейчас ситуация изменилась. Здесь мы опишем ряд форм, которые могут принимать данные о сексуальном насилии в условиях конфликта, и выделяем две конкретные проблемы, связанные с его документированием.

Данные о сексуальном насилии в условиях конфликта могут формироваться из результатов опросов (уровень насилия), медицинских данных (таких как медицинская карта, медицинские справки и результаты судебно-медицинского освидетельствования жертв сексуального нападения, которые называют «набор вещественных доказательств по изнасилованию»⁵¹), сообщений о совершении преступлений, данных нападавших, публичных сообщений (для прессы) или сопутствующих данных (таких как сведения о беременности, наступившей в результате изнасилования). Подобные данные могут использоваться для повторной интерпретации свидетельств, чтобы выявить ранее не замеченные закономерности сексуального насилия, обосновать или подтвердить свидетельства очевидцев и выявить гендерные предрассудки в документации⁵².

51 Jaimie Morse, "Documenting Mass Rape: Medical Evidence Collection Techniques as Humanitarian Technology", *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, Vol. 8, No. 3, 2014, p. 72.

52 Tony Roberts and Gauthier Marchais, "Assessing the Role of Social Media and Digital Technology in Violence Reporting", *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, Vol. 10, No. 2, 2018.

До сих пор возникает много ситуаций, связанных с сексуальным насилием в условиях конфликта, в которых данные могут отсутствовать или их качество может быть низким вследствие проблем с их сбором, необъективности или «цифрового затемнения», вызванного ограничением доступа к цифровым устройствам и к интернету⁵³; эффективность анализа данных может быть снижена ввиду недостаточной цифровой грамотности практикующих специалистов и так далее⁵⁴. Тем не менее часто проблема состоит уже не в дефиците данных. Несмотря на то что в резолюции Совета Безопасности ООН № 1325 от 2000 года отмечается «потребность в сводных данных в отношении влияния вооруженных конфликтов на женщин и девочек», на данный момент те, кто задействован в решении проблемы сексуального насилия в условиях конфликта, — от специалистов на местах до судей международных судов — утопают в информации о сексуальном насилии и нуждаются в инструментах проверки и анализа данных, а также в средствах повышения оперативности и эффективности мер реагирования.

Еще одна сложность связана с нравственной дилеммой, возникающей при документировании случаев сексуального насилия в условиях конфликта — от реагирования на месте до уголовного преследования. Дело в необходимости получения показаний от первого лица и в принятой практике проведения нескольких опросов и допросов жертв насилия разными специалистами для разных аудиторий. Эта практика может привести к повторному переживанию нанесенной травмы и представляет собой один из больших недостатков системы документального оформления случаев сексуального насилия. Фундаментальной проблемой становится то, что представительство интересов жертвы и право распоряжаться своим рассказом идет вразрез с институциональными потребностями в достоверных показаниях и в правдоподобном повествовании, способных пробудить сочувствие у политиков. При должном уровне внимания, возможно, удастся создать механизм, с помощью которого можно будет записывать рассказы жертв и оценивать их правдивость, обеспечивая при этом индивидуальный контроль рассказчиков над кодами доступа, то есть единый источник информации для изучения цифрового тела и взаимодействия с ним со стороны административных работников и поставщиков услуг⁵⁵.

Однако это решение тоже сопряжено с рядом проблем, таких как приемлемость для сообществ, стандартизация процессов и качества, труд-

53 Такое отсутствие доступа к цифровым технологиям также известно как «цифровое неравенство». Обсуждение этого термина см.: Lina Gurung, “The Digital Divide: An Inquiry from Feminist Perspectives”, *Dhauagiri Journal of Sociology and Anthropology*, Vol. 12, 2018; Jennifer Radloff, “Digital Security as Feminist Practice”, *Feminist Africa*, No. 18, 2013.

54 Mark Latonero and Zachary Gold, *Data, Human Rights and Human Security*, Data & Society Research Institute, 2015.

55 Код доступа — это последовательность букв и цифр, с помощью которой предоставляется доступ. Разумеется, предполагается, что юридические нормы применяются сразу после предоставления согласия на доступ. Авторы благодарят за этот тезис участников экспертного круглого стола на тему «Использование технических новшеств для борьбы с сексуальным насилием в связи с конфликтом», проведенного в Женеве 18–19 февраля 2019 г. организацией Legal Action Worldwide и Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека.

ности обеспечения актуальности заявления для всех соответствующих аудиторий, неоднородность в уровне компетенции конечных пользователей и в принятии ими цифровых технологий, а также вопросы несанкционированного доступа, разрушения и манипулирования⁵⁶. Кроме того, в связи с политикой хранения, предоставления и уничтожения таких свидетельств возникают очень сложные вопросы по поводу владения и контроля⁵⁷. Таким образом, подходы к документированию случаев сексуального насилия, основанные на применении цифровых технологий, требуют участия и цифровой грамотности как ключевых элементов, но даже если решения разрабатываются с учетом этих задач, сохраняются застарелые проблемы, связанные с активным вовлечением жертв.

Привлечение к ответственности

С помощью цифровых устройств пользователи создают массу данных, которые могут применяться в целях определения оснований для привлечения к уголовной ответственности; в их числе текстовые сообщения, мультимедийные сообщения, данные о трафике (набранные номера, время и дата совершения звонков и так далее), электронные письма, данные о поиске в интернете, изображения, звуковые и аудиофайлы, а также данные геолокации⁵⁸. Для разбирательства дел о сексуальном насилии, в том числе в условиях конфликта, в государственном или международном суде с использованием новых технологий необходимы единые стандартизированные руководства и методы цифровой криминалистики (регламентирующие надлежащую обработку улик, в том числе обеспечение их сохранности, хранение и регистрацию лиц, имеющих к ним доступ) в отношении документирования, сбора и обеспечения сохранности цифровых и физических улик. Таким образом, для применения методов цифровой криминалистики при расследовании сексуального насилия следователям, криминалистам, медицинскому персоналу, адвокатам и другим специалистам потребуются новые знания, навыки и дополнительное обучение⁵⁹.

Еще один вид проблем связан с институциональными сложностями, которыми сопровождается поддержание связей со свидетелями для того, чтобы держать их в курсе развития событий и при необходимости вызывать на допросы. За счет появления технических решений и политических изменений это становится все более реалистичным: в частности, оформление цифровых удостоверений личности все больше укладыва-

56 Marie-Helen Maras and Michelle D. Miranda, "Overlooking Forensic Evidence? A Review of the 2014 International Protocol on the Documentation and Investigation of Sexual Violence in Conflict", *Global Security: Health, Science and Policy*, Vol. 2, No. 1, 2017.

57 Качественный анализ темы защиты данных в условиях чрезвычайной ситуации приведен см.: Хейз, Бен. Миграция и защита данных: как не причинить вреда в век массовых вынужденных перемещений, тотальной слежки и «больших данных» // *Международный журнал Красного Креста*. Т. 99, № 904, 2017. Выдержка из журнала.

58 М.-Н. Maras and M. D. Miranda (примечание 56 выше).

59 Ibid.

ется в призывы обеспечить законные удостоверения личности для всех людей в рамках задачи 16.9 Целей ООН в области устойчивого развития; предполагается, что наличие законных удостоверений личности позволит расширить доступ к основным услугам и использование финансовых инструментов, а также улучшить социальную интеграцию и применение регулятивных норм⁶⁰. Законные удостоверения личности, выданные в цифровом формате, позволяют немедленно отслеживать людей. В связи с проблемой сексуального насилия в условиях конфликта возможность такого отслеживания вызывает непростые вопросы: очевидно, что прокуратура и отделы по работе с жертвами заинтересованы в том, чтобы найти способ поддерживать связь с возможными свидетелями, а сложность определения местонахождения жертв и установления связи с ними является серьезным препятствием для вынесения приговоров по делам о сексуальном насилии, однако приходится взвесить все за и против (в том числе возможный риск) такой цифровой доступности — и возможности цифровой идентификации — жертв сексуального насилия.

Различные подходы к данным: разногласия на стыке гуманитарной деятельности, защиты прав человека и международного правосудия

Отдавая дань важности управления данными в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта, мы посвятили третью часть своей аналитической структуры тому, как различные подходы к данным могут определить направления использования данных о таком насилии. В этом разделе мы рассматриваем последствия сбора и использования данных для целей гуманитарной деятельности, защиты прав человека и международного правосудия. Эти области выбраны потому, что имеют более важное юридическое значение и теснее связаны с остальными сферами борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта, такими как миростроительство, развитие или правосудие переходного периода. Разумеется, возможны и другой охват и другой набор аналитических комбинаций.

Гуманитарные деятели в первую очередь обращают внимание на горе и страдания, а правозащитники — на несправедливость, дискриминацию и неравенство. Тех, кто занимается международным уголовным правосудием, в свою очередь, больше всего волнуют проявления жестокости, варварство и безнаказанность. Мы полагаем, что для цифровой трансформации борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта чрезвычайно важно оценить различия в том, как в этих трех секторах воспринимается тело жертвы и каким образом функционирует и используется цифровое тело. Для того чтобы обозначить, как они относятся к различным подходам,

60 См.: UNHCR, *Global Virtual Summit on Digital Identity for Refugees, Concluding Workshop: Summary Conclusions and Recommendations*, August 2019, доступно по адресу: www.unhcr.org/idecosystem/wp-content/uploads/sites/69/2019/12/Conclusions_and_Recommendations.pdf.

связанным с данными, мы рассматриваем некоторые из пересечений и разногласий во всех трех сегментах международного реагирования⁶¹ и выявляем ключевые структурные различия между ними с точки зрения их задач, сроков и восприятия действий в индивидуальных или общих интересах тех, кому адресованы меры. Наш подход к различным секторам строится на так называемых идеальных типах М. Вебера — упрощениях, используемых в качестве инструментов анализа⁶². В связи с этим нас интересуют не столько гибридные варианты и нюансы внутри секторов и между ними, сколько систематизация тенденций. Кроме того, мы не рассматриваем необходимую и значимую роль *внутригосударственных* субъектов. Вместо этого мы стремимся лучше понять, каким образом данные, собранные определенным участником для определенной цели в определенный срок, переходят к другим участникам либо за счет заимствования, либо за счет присвоения, и каковы последствия таких переходов. В силу этого мы обращаем внимание на то, как фоновые факторы влияют на различное восприятие использования данных по иному назначению со стороны гуманитарных деятелей, правозащитников и представителей системы международного уголовного правосудия.

Сходство этических и юридических мотивов, побуждающих защищать права человека, вести гуманитарную деятельность и отправлять международное уголовное правосудие в ответ на призыв хоть что-нибудь предпринять в связи со страданием людей и царящим в мире насилием, привело к широкому распространению представления о том, будто эти три сферы четко пересекаются. Считается, что на протяжении всего цикла противодействия, от раннего оповещения до привлечения виновных к ответственности, различные секторы дополняют друг друга, и каждый из них дает что-то необходимое остальным: гуманитарные организации оказывают услуги, правозащитники стремятся установить истину, а система международного уголовного правосудия обеспечивает привлечение преступников к юридической ответственности. Часто, как в идеальном случае, цикл противодействия представляется столь хорошо налаженным, что деятельность секторов сливается в единое непрерывное действие: правозащитники предоставляют доказательства для международного уголовного разбирательства, а система международного уголовного правосудия обеспечивает гуманитарную помощь в виде выплаты компенсаций жертвам. Однако нормы и благие дела не всегда дают идеальный результат только потому, что нам так хочется.

Ниже мы развенчиваем представление о беспроблемном переходе от одного сектора к другому и рассматриваем некоторые разногласия, существующие между этими секторами в отношении использования

61 Как отмечалось ранее, в этом разделе раскрываются тезисы, изложенные в работе К. В. Sandvik (примечание 6 выше); см. также: Sara Kendall and Sarah Nouwen, *International Criminal Justice and Humanitarianism*, University of Cambridge Faculty of Law Research Paper 69, 2018.

62 См.: “Ideal Type”, *Encyclopaedia Britannica*, доступно по адресу: www.britannica.com/topic/ideal-type.

ими данных. Следует подчеркнуть, что эти разногласия касаются вопросов, имеющих большое практическое значение. Например, гуманитарные организации оспаривают возможность использования данных получателей помощи правозащитниками и системой международного уголовного правосудия, поскольку это может поставить принципы нейтральности и беспристрастности под угрозу нарушения, а следовательно причинить вред посредством ограничения охвата гуманитарной деятельности. По этим причинам некоторые гуманитарные организации приняли политику, запрещающую сотрудничество с Международным уголовным судом⁶³. Иными словами, несмотря на общий этический посыл, направленный на облегчение страданий людей, эти секторы имеют разные точки зрения по поводу того, у кого они могут на законных основаниях заимствовать, изымать или принимать данные. Таким образом, различия между гуманитарными организациями, правозащитниками и системой уголовного правосудия формируют разные взгляды на способы сбора, обработки, использования и предоставления данных. Далее мы показываем, как эти разногласия укоренены в задачах различных секторов, а также в их отношении и подходе к срокам и представительству интересов.

Задачи

Различные взгляды и подходы к использованию данных тесно связаны с разными задачами, которые стоят перед каждым из секторов. Цель гуманитарных организаций состоит в том, чтобы удовлетворять потребности и спасать жизни, и чисто теоретически это означает, что их мало беспокоит связь между правосудием и миром. Правозащитники стремятся привлечь к ответственности виновных, обеспечить прозрачность и правосудие, а представители системы международного уголовного правосудия заинтересованы в установлении и провозглашении индивидуальной уголовной ответственности и в назначении законного наказания; для них уголовное правосудие является одним из неперенных условий установления мира. Хотя «политизация» чрезвычайных ситуаций, в том числе ситуаций массового насилия, представляет проблему для гуманитарной деятельности, поскольку может помешать отклику на гуманитарные потребности, правозащитники, со своей стороны, могут рассмотреть возможность компромисса в интересах получения точных и достоверных данных и обеспечения формальной защиты прав. Эти разногласия имеют значение с точки зрения возможных целей использования данных. Кроме того, они важны в разрезе второстепенных целей: хотя убеждение, публичное осуждение и уголовное преследование являются взаимодополняющими мерами реагирования на сексуальное насилие в условиях конфликта, они также приводят к суще-

63 Fabrice Weissman, "Humanitarian Aid and the International Criminal Court: Grounds for Divorce", Centre de Réflexion sur l'Action et les Savoirs Humanitaires, Fondation Médecins Sans Frontières, 2009, доступно по адресу: www.msf-crash.org/en/publications/rights-and-justice/humanitarian-aid-and-international-criminal-court-grounds-divorce.

ственным разногласиям в отношении правильного обращения с данными. В связи с этим возможны споры по поводу методов сбора данных и «надлежащих» норм такого сбора, по поводу владения данными и вопросов соблюдения интересов, в которых осуществляется объединение баз данных, а также по поводу предоставления согласия (что является достаточным согласием, как долго оно считается действительным и для чего может потребоваться его продление).

Хотя мандаты гуманитарных организаций и их участие в уголовных процессах бывают разными, большинство таких организаций поддерживают уголовное преследование в качестве меры реагирования на нарушение международного уголовного и гуманитарного права, в том числе на сексуальное насилие в условиях конфликта⁶⁴. Однако гуманитарные организации могут неохотно участвовать в судебных процессах, поскольку это может поставить под угрозу возможность их доступа к уязвимым группам населения⁶⁵. По этой причине гуманитарные организации могут отказываться от активного участия в международных уголовных разбирательствах, поскольку «гуманитарная миссия заключается прежде всего в том, чтобы спасти человеческие жизни, а не устанавливать уголовную ответственность»⁶⁶. Правозащитные организации выказывают гораздо большую готовность содействовать международному уголовному судопроизводству⁶⁷. Неправительственные организации, защищающие права человека, выступают на передовой в борьбе с безнаказанностью виновных в сексуальном насилии в условиях конфликта, поскольку система уголовного правосудия дает инструмент для того, чтобы обеспечить соблюдение прав человека⁶⁸. Поэтому доклады правозащитных организаций также принимаются в качестве доказательства в международном уголовном суде и судах специальной юрисдикции. Эта практика вызывает много критики⁶⁹ именно в связи с тем, что у правозащитных организаций и у системы международного уголовного правосудия разные мандаты, и этим обусловлены различия в их отношении к данным. Эти различия также определяют, каким образом и в какой мере цифровые тела жертв сексуального насилия в условиях конфликта используются для решения задач соответствующих учреждений.

64 *Ла Роза, Анн-Мари*. Гуманитарные организации и международные уголовные суды: попытка найти квадратуру круга // *Международный журнал Красного Креста*. Т. 88, № 861, 2006.

65 Там же.

66 Там же.

67 Kjersti Lohne, *Advocates of Humanity: Human Rights NGOs in International Criminal Justice*, Oxford University Press, Oxford, 2019. См. также: Kjersti Lohne, "Penal Humanitarianism beyond the Nation State: An Analysis of International Criminal Justice", *Theoretical Criminology*, Vol. 24, No. 2, 2020.

68 Karen Engle, Zinaida Miller and Denys Mathias Davis, *Anti-Impunity and the Human Rights Agenda*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016.

69 В ходе рассмотрения самого первого дела в Международном уголовном суде в отношении лидера конголезских повстанцев Томаса Лубанги использование так называемых косвенных уликов подвергалось серьезной критике. См.: Elena Baylis, "Outsourcing Investigations", *UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs*, Vol. 14, No. 1, 2009.

Фактор времени

Между этими тремя секторами наблюдаются существенные различия и с точки зрения фактора времени. В нашем примере с циклом противодействия гуманитарные организации часто оказываются на месте первыми и могут из первых рук получить сведения о сексуальном насилии, о жертвах и виновниках. Кроме того, они могут собрать данные о характере и масштабе насильственных действий, в том числе оценить, соответствует ли содеянное критериям преступления против человечности, военного преступления или геноцида, что могло бы стать основанием для международного уголовного преследования. Аналогично правозащитные организации могут привлекать внимание к случаям сексуального насилия в условиях конфликта и документировать их практически в режиме реального времени. Со своей стороны, представители системы международного уголовного правосудия редко оказываются в месте действия в первых рядах. Для успешного расследования случаев сексуального насилия и привлечения виновных к ответственности им необходимы данные от других участников — государственных и негосударственных. Эти различия во времени участия в цикле противодействия влияют на то, как и для какой цели собираются, обрабатываются и передаются данные. Поэтому от сроков зависит не только вид создаваемого цифрового тела, но и вид работы, для которой оно используется.

Эти три сектора работают на разных этапах и мыслят разными сроками. Гуманитарные организации действуют в условиях продолжающейся чрезвычайной ситуации, удовлетворяя потребности и облегчая страдания в настоящем, чтобы обеспечить помощь в ближайшем будущем⁷⁰. У гуманитарных организаций короткий горизонт планирования; по крайней мере, теоретически для них важнее всего сегодняшний и завтрашний день. В результате управление данными становится частью повседневной работы с уязвимыми группами населения. Отследить нанесенный вред и установить ответственность за его причинение вполне возможно, но правозащитники и система международного уголовного правосудия работают с гораздо более долгосрочной перспективой. Они стремятся устранить несправедливость на индивидуальном и системном уровнях, чтобы привлечь виновных к ответственности, компенсировать причиненный вред и предотвратить дальнейшие нарушения прав человека и международного права. Долгосрочной целью правозащитников и международного уголовного правосудия является создание универсального нравственно-судебного сообщества. В связи с этим такие различия в сроках также отражают разницу аудиторий и, что очень важно, представление этих секторов о работе в интересах тех людей, которым они оказывают помощь.

70 Хотя гуманитарные организации присутствуют в некоторых местах вот уже несколько десятилетий и все чаще пребывают в местах затяжных конфликтов, в режиме чрезвычайной ситуации их деятельность активизируется; см.: Didier Fassin and Mariella Pandolfi, *Contemporary States of Emergency: The Politics of Military and Humanitarian Interventions*, Zone Books, New York, 2010.

Представительство

Итак, последним пунктом является вопрос представительства. Хотя все три направления являются космополитичными, то есть придерживаются «философского, этического и научного мировоззрения, которое стремится преодолевать границы государств и возвышаться над националистическим, ориентированным на государство восприятием общества и правосудия»⁷¹, их действия в значительной мере направлены на государства и на доноров, а их институты и практика работы отражают приоритеты доноров⁷². Как это изменится, когда на сцену выйдут технологические компании? Например, «по мере повышения значимости социальных сетей растет значимость и компаний, которые ими владеют. Facebook, YouTube, Twitter — все это крупные корпорации, на чьих серверах, находящихся в частном владении, размещаются видеоролики, фотографии и сообщения, которые публикуются в социальных сетях»⁷³. Кроме того, хотя все три сектора выступают за профессионализацию, которая «способствует получению “технических” и поддающихся обобщению знаний о местных сообществах»⁷⁴, такое развитие событий может также привести к увеличению дистанции между сотрудниками и жертвами. В связи с этим необходимо задаться вопросами о том, как цифровые технологии влияют на постоянную критику дистанционного, удаленного, а не присутствующего на месте правосудия и в какой мере технические решения способствуют или мешают участию жертв в процессе. От этого также зависит то, что мы думаем о свободе взаимодействия. Ученые все чаще стали поднимать важнейшие вопросы о свободе выбора в отношении присутствия на рынке данных или включения в коммерческие базы данных⁷⁵. Применительно к теме нашей статьи это вызывает вопрос о том, насколько жертвы сексуального насилия в условиях конфликта обязаны открываться государству, международному сообществу или организациям, которые оказывают им помощь, и можно ли автоматически использовать их цифровые тела для борьбы с безнаказанностью виновных в сексуальном насилии в тех случаях, когда для сбора доказательств применяются современные технологии.

71 Cecilia M. Baillet and Katja Franko Aas (eds), *Cosmopolitan Justice and Its Discontents*, Routledge, London, 2011, p. 1.

72 S. Kendall and S. Nouwen (примечание 61 выше).

73 Emma Irving and Jolana Makraiová, “Capture, Tweet, Repeat: Social Media and Power in International Criminal Justice”, цит. по: Morten Bergsmo, Mark Klamberg, Kjersti Lohne and Christopher B. Mahony (eds), *Power in International Criminal Justice*, Torkel Opsahi Academic EPublisher, Brussels, 2020.

74 S. Kendall and S. Nouwen (примечание 61 выше).

75 Linnet Taylor, “What is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally”, *Big Data & Society*, Vol. 4, No. 2, 2017.

Заключение

В данной статье представлена трехчастная аналитическая структура для исследования возможностей и ловушек, связанных с продолжающейся цифровой трансформацией борьбы с сексуальным насилием в условиях конфликта. В частности, мы предложили ввести понятие «цифрового тела» как аналитической концепции для содействия межсекторному обсуждению полномочий и ответственности при управлении данными.

Какими бы благими ни были намерения, технология не всегда работает так, как планировалось или предполагалось. Некорректное определение проблемы может привести к тому, что технические решения не будут подходить для решения реальных проблем, ради борьбы с которыми они создавались. Распространенной причиной ошибок при определении проблем является тот факт, что пострадавшие часто не участвуют в инновационных процессах — с ними толком не советуются и не приглашают к взаимодействию⁷⁶. Поэтому мы считаем, что международное сообщество должно обратить более пристальное внимание на серьезные этические и правовые проблемы, возникающие в связи с внедрением в гуманитарный сектор технических новшеств: технологии способны создать новые цифровые виды ущерба, будь то за счет обнародования или замалчивания страданий определенных групп или лиц, в связи с нежелательными последствиями или ввиду появления новых видов риска.

Кроме того, необходимо четко различать, что воспринимают и что не воспринимают технические средства в борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта. Выше мы заметили, что двойной акцент — на технологию и на сексуальное насилие — способен создать мощную нравственную экономику, но важно обратить внимание на то, насколько одна проблема — сексуальное насилие — может вытеснить остальные вопросы и аспекты сексуального насилия в условиях конфликта и связанных с ним опасностей. В то же время рост доверия к цифровым уликам может привести к изменению видов преступлений и тех аспектов субъективного восприятия жертвы, на которые обращают внимание (и которые попадают в документы), что чревато невольным потворством (дальнейшему) замалчиванию проблемы сексуального насилия в условиях конфликта на фоне изображений более явных преступлений, например убийств⁷⁷. Стоит также отметить, до какой степени цифровые технологии — а особенно социальные сети — усугубляют проблемы, связанные со стигматизацией, позором, а также ретравматизацией и вторичной виктимизацией. Коротко говоря, цифровые технологии не решают политические и этические проблемы.

Наконец, мы полагаем, что одним из глубоко проблемных аспектов цифровизации является тенденция к истребованию данных в обмен на пре-

76 Mirca Madianou, Liezel Longboan and Jonathan Corpus Ong, “Finding a Voice through Humanitarian Technologies? Communication Technologies and Participation in Disaster Recovery”, *International Journal of Communication*, Vol. 9, No. 1, 2015.

77 E. Irving and J. Makraiová (примечание 73 выше).

доставление помощи, защиты и доступа к правосудию. С точки зрения эмансипации — и феминизма — это требует приглашения к участию и вложений в развитие цифровой грамотности как ключевых аспектов технологизированного подхода к борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта. Цифровая грамотность должна стать нормой для всех участников процесса — от жертв насилия до специалистов на местах и прочих сторон, обеспечивающих реагирование в форме предоставления гуманитарной помощи, защиты прав человека и международного уголовного правосудия. Для этого необходимы оценка воздействия, обучение и наращивание потенциала в области культуры ответственной цифровизации. Приобретение цифровой грамотности возможно лишь в том случае, если жертвы насилия и члены сообществ будут иметь все необходимое для того, чтобы развивать этот потенциал, сохранять уверенность в нем и действовать, опираясь на него, и если доноры и лица, ответственные за выработку политики, будут твердо намерены вкладывать в него время и прочие ресурсы. Таким образом, участие играет ключевую роль в успехе технических мер, и заинтересованным сторонам следует иметь это в виду при планировании своих действий и вмешательства.